

*Посвящается всем девушкам,
которые обрели себя в книгах*

Глава первая

Смерть пришла в Великую библиотеку, как только ночь опустилась на Саммерсхолл. Точнее говоря, она въехала на личном экипаже. Элизабет стояла во внутреннем дворе и наблюдала за громящей повозкой, запряженной лошадьми. Животные топтались на месте с бешено выпученными глазами, роняя с губ клочья пены. Где-то высоко последние лучи заката сверкнули в окнах башни Великой библиотеки, словно огнем охватив изнутри все ее комнаты. И все же свет вынужден был поспешно отступить, сжимаясь и отбрасывая длинные тени от фигур ангелов и горгулий, что охраняли залитые дождем парапеты здания.

Позолоченная эмблема блеснула на кузове повозки в тот момент, когда та с грохотом остановилась. Она представляла собой переkreщенные ключ и перо — символ Духовенства. Железные решетки в задней части повозки превращали ее в настоящую тюремную клетку. Несмотря на то что ночь была прохладной, Элизабет почувствовала, как ладони вспотели.

— Скривнер! — окликнула ее женщина, стоявшая рядом. — Соль и перчатки при тебе?

Элизабет похлопала по кожаным ремням, крестнакрест опоясывающим ее грудь, потом ощупала мешочки, которые были на них подвешены, и жестяную коробку с солью, свисающую у бедра.

— Да, Наставница.

Ей не хватало только меча. Заслужить такую честь она могла, став хранителем, спустя многие годы обучения в Духовенстве. Лишь несколько библиотекарей смогли зайти так далеко — остальные либо опускали руки и сдавались, либо погибали.

— Прекрасно. — Наставница помедлила. Это была элегантная женщина с бледным, как снег, лицом, рыжими, словно пламя, волосами и холодным, отчужденным взглядом. Шрам пересекал все ее лицо от левого виска до самого подбородка, сморщивая щеку и навек оттягивая вбок уголок рта. Подобно Элизабет, ее грудь перекрещивали кожаные ремни, однако вместо рясы ученицы под ними было одеяние хранителя. Искусственный свет сверкал на латунных пуговицах темно-синего пальто и отсвечивал от начищенных до блеска башмаков. Меч, перехваченный ремнем, узкий, остро заточенный и инкрустированный камнями гранатово-красного цвета, висел на поясе.

Этот меч был легендой Саммерсхолла. Его называли Демоноубийцей, и сама Наставница использовала его в битве против малефикта, когда ей было всего девятнадцать лет. Именно тогда она и получила страшный шрам, который, по слухам, вызывал у нее невыносимые мучения каждый раз, стоило ей заговорить. Элизабет сомневалась в достоверности этой болтовни, однако факт оставался фактом — Наставница тщательно подбирала слова и вообще никогда не улыбалась.

— Запомни, — после длительной паузы продолжила женщина, — если ты услышишь в голове голос в тот момент, когда мы доберемся до склепа, не слушай его. Это — Восьмая Ступень, древнейшая магия, с которой опасно шутить. С момента своего сотворения она свела с ума сотни людей. Ты готова?

Элизабет нервно слотнула. Ком в горле не позволил ей задать вопрос. Она едва могла поверить, что Наставница разговаривает с ней и уж тем более что она выбрала именно ее в качестве своей помощницы в доставке важного предмета к склепу. Как правило, такой чести удостоивались служители рангом гораздо выше, чем просто библиотечный подмастерье. Надежда затрепетала в ней, словно птица, запертая в доме, которая то взлетает, то падает и снова взлетает, исчерпывая все силы в поисках пути к вольному небу. Ужас тенью мерк в ее сознании.

«Она дает мне шанс доказать, что я стою того, чтобы стать хранителем, — подумала девушка. — Если я не справлюсь, то погибну. Тогда от меня будет хоть какой-то толк — они похоронят меня в саду, чтобы мой труп стал удобрением для овощей».

Вытерев потные ладони о рясу, она кивнула.

Наставница направилась через дворик, и Элизабет последовала за ней. Гравий хрустел под ногами. Мерзкое зловоние, подобное запаху раскисшей от воды кожи, оставленной гнить на берегу, наполняло воздух по мере того, как они шли дальше. Элизабет выросла в стенах Великой библиотеки, окруженная вонью, издаваемой чернилами и пергаментом магических книг, но к такому она точно не привыкла. От смрада жгло глаза, а по всему телу бежали мурашки. Даже лошади занервничали, испуганно шараясь из стороны в сторону в своей упряжи, разбрасывая копытами камни и не обращая никакого внимания на попытки кучера их успокоить. В каком-то смысле Элизабет завидовала им — по крайней мере, они не догадывались, что везли за собой всю дорогу от столицы сюда.

Два хранителя спрыгнули с повозки, их руки крепко сжимали рукоятки мечей. Элизабет приложила все силы, чтобы не отшатнуться, когда они пристально уставились на нее. Вместо этого она гордо выпрямила спину и задрала подбородок, намереваясь составить им достойную конкуренцию по части каменного выражения лица. Возможно, ей никогда не суждено заслужить меч, но, во всяком случае, она должна выглядеть достаточно храброй, чтобы им владеть.

Связка ключей Наставницы громко задребезжала, и задние двери повозки открылись с ужасающим скрипом. Поначалу в сумраке показалось, что железная клетка пуста. Внезапно Элизабет заметила предмет на полу повозки — плоский квадратный железный ящик, запертый более чем на десяток замков. Для постороннего человека такие предосторожности могли показаться абсурдными, но лишь ненадолго. Из-под крышки в сумрачной тишине раздавался глухой рокочущий звук: достаточно мощный, чтобы растрясти целую повозку и расшатать до дребезжания дверные петли клетки. Одна из лошадей громко заржала.

— Скорее, — поторопила Наставница. Она взялась за одну ручку ящика, Элизабет ухватилась за другую. По-

делив вес ящика поровну, они направились к двери. На ее притолоке был вырезан свиток с надписью, оба конца которого держали плачущие ангелы. Смутная, почти нечитаемая в сумерках фраза на латыни гласила: «OFFICIUM ADUSQUE MORTEM». Девиз хранителей. Долг до самой смерти.

Они вошли в длинный каменный коридор, освещенный дрожащим светом факелов. Свинцовая тяжесть ящика давно оттянула руку Элизабет. Он больше не дергался, однако его неподвижность никак не успокаивала ее. Она догадывалась, что было тому причиной: книга слушала их. И ждала своего часа.

Другой хранитель стоял у входа в склеп. Когда он увидел Элизабет рядом с Наставницей, его маленькие глазки неприязненно заблестели. Это был Уорден Финч, ворчливый мужчина с короткими седыми волосами и отекающей физиономией, по которой были хаотично разбросаны черты лица, словно изюм в запеканке. Среди учеников он прославился тяжелой правой рукой, которой постоянно отшвыкивал тумачи подмастерьям.

Элизабет вцепилась в ручку ящика так сильно, что костяшки пальцев побелели, и инстинктивно приготовилась к удару, однако Финч ничего не мог сделать ей в присутствии Наставницы. Пробормотав что-то сквозь зубы, он потянул цепь. Сантиметр за сантиметром железная решетка, перегораживающая вход, поднялась, застыв оскалом своих острых черных зубов над их головами. Элизабет шагнула вперед.

И тут ящик накренился.

— Берегись! — моментально отреагировала Наставница, и обе повалились на каменную стену, кое-как пытаясь удержать равновесие. Сердце у Элизабет ушло в пятки. Ее ступня стояла на самом краю первой ступеньки винтовой лестницы, которая, головокружительно завиваясь, уходила вниз в темноту.

Внезапно она осознала ужасную правду: гримуар хотел, чтобы они упали. Элизабет живо представила себе, как ящик, кувыркаясь, летит вниз по лестнице, отбивая куски известняка, и резко открывается. Все это могло случиться по ее вине.

Наставница похлопала ее по плечу.

— Все в порядке, Скривнер. Ничего страшного не произошло. Держись крепче за перила и продолжай идти.

С большим усилием Элизабет заставила себя отвернуться, увидев злобную усмешку Финча. Они начали спуск. Прохлада подземелья поднималась из глубины, неся с собой запах холодного камня, плесени и чего-то неестественного. Этот камень сочился злом тех древних вещей, которые чахли в этой тьме веками, — неупокоенных, недремлющих духов. Во многих метрах под поверхностью земли тишина была такой, что Элизабет слышала стучащий в ушах пульс.

Она провела все детство, изучая тысячи закутков и закоулков Великой библиотеки, выпытывая с любопытством ее бесчисленные тайны, но никогда не была внутри этого склепа. Его существование в глубинах библиотеки казалось для нее чем-то страшно-таинственным, подобно монстру, прячущемуся в ночи под кроватью.

«Это мой шанс», — напомнила она себе. У нее не было права на страх.

Они вошли в помещение, напоминающее крипту собора. Стены, пол и потолок были вырезаны из серого камня. Ребристые колонны и потолки склепа украшали фрески; они вызывали благоговение. Фигуры ангелов, в ногах которых мерцали свечи, стояли в нишах вдоль стен. Полными печали глазами они смотрели на бесчисленные ряды железных полок, которые образовывали проходы к центру склепа. В отличие от книжных шкафов наверху, эти стеллажи были прикованы к полу. Цепи опутывали закрытые металлические ларцы, которые задвигались в полки подобно ящикам стола.

Элизабет уверила себя в том, что шепот, который она слышала, был лишь плодом ее воображения. Толстый слой пыли покрывал цепи. Большинство ящиков не открывалось веками, и их обитатели спали крепким сном. Тем не менее Элизабет ощутила покалывание в шее, будто кто-то наблюдал за ней.

Вместе с Наставницей они следовали вдоль полок, пока не подошли к самому центру склепа, в котором стояла большая клетка со столом, прикрученным к полу. Одинокая масляная лампа отбрасывала зелено-желтый свет на заляпанную чернилами столешницу. Ящик оставался на удивление неподвижным, пока они водружали его на

деревянный стол, изуродованный четырьмя огромными шрамами, похожими на следы гигантских когтей. Элизабет не могла оторвать взгляд от этих отметин. Она знала, откуда они появились и что случилось, когда один из гримуаров вышел из-под контроля.

Малефикт.

— Какие меры предосторожности мы должны принять в первую очередь? — спросила Наставница, отвлекая Элизабет от мыслей. Испытание началось.

— Соль, — ответила она, доставая банку с пояса. — Как и железо, соль ослабляет злую энергию.

Руки Элизабет слегка тряслись, пока она рассыпала белые кристаллы, формируя перекошенный круг с неровными краями. Стыд выступил на щеках красным румянцем. Что, если она до сих пор не готова?

Едва заметный оттенок сердечности выступил на суровом лице Наставницы.

— Знаешь, почему я оставила тебя здесь, в этой библиотеке, Элизабет?

Девушка застыла, дыхание перехватило в груди. Наставница никогда не обращалась к ней по имени, только по фамилии — Скривнер, или иногда называла «ученицей». Это зависело от того, в какие неприятности она вляпалась, а случалось такое фантастически часто.

— Нет, Наставница, — ответила она.

— Хм-м-м... Как сейчас помню, шел сильный ливень. Гримуары в ту ночь были необычайно беспокойны: они издавали столько шума, что я едва слышала стук в дверь. — Элизабет с легкостью представила себе эту картину: дождь хлестал в окна, книги завывали и стонали, громыхая цепями, в которые были закованы. — Когда я нашла тебя на ступенях библиотеки, то подняла и занесла внутрь. Я была просто уверена, что ты заплачешь, но вместо этого ты просто огляделась по сторонам и залилась смехом. У тебя не было и следа испуга. Уже в тот момент я знала, что не смогу отправить тебя в приют, потому что ты создана для библиотеки, как любая из этих книг.

Элизабет слышала эту историю и раньше, но только от учителей. Никогда Наставница не рассказывала ей это лично. Два слова отдавались эхом у нее в голове, повторяя ритм сердца: «ты создана». Те слова, которые она жаждала

услышать на протяжении долгих шестнадцати лет и которые, как отчаянно надеялась, были правдой.

В гробовой тишине девушка наблюдала за тем, как Наставница тянется к связке ключей и выбирает из нее самый большой настолько древний и покрытый ржавчиной, что под ее слоем металл был уже почти неразличим. Время сантиментов для Наставницы прошло. Элизабет успокоила себя повторением заученного наизусть негласного обещания, которое дала сама себе и твердила ежедневно с тех пор, как себя помнила. Однажды ученица тоже станет хранителем. Наставница будет гордиться ею.

Соль просыпалась на стол, как только крышка ящика со скрипом отворилась. Отвратительный запах сгнившей кожи наполнил весь склеп, настолько сильный, что Элизабет почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Внутри лежал гримуар. Это был толстый том с растрепанными пожелтевшими страницами, зажатыми между двумя пластинами засаленной черной кожи. Он выглядел бы вполне обычно для колдовской книги, если бы не выпуклые округлые выступы на обложке. Они напоминали гигантские бородавки или пузыри на поверхности кипящей жижи. Каждый выступ размером с огромную жемчужину, и их было настолько много, что они покрывали буквально всю обложку.

Наставница натянула прошитые железными вставками перчатки. Элизабет поспешила последовать ее примеру, прикусив щеку изнутри, когда та вытащила книгу из ящика и положила его в середину соляного круга.

В тот самый момент, как книга коснулась стола, выпуклости на обложке тома неожиданно раскрылись. Это были не бородавки — все это были глаза. Разных цветов, налитые кровью и вращающиеся из стороны в сторону, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Гримуар сотрясался в руках Наставницы. Скрипя зубами, она заставила его открыться. Действуя на автомате, Элизабет приблизилась к кругу из соли и прижала одну сторону книги, чувствуя ее дергающуюся и вздувающуюся кожу даже сквозь перчатки. Она выглядела такой разъяренной и такой живой.

Те глаза были не просто колдовским фокусом. То были настоящие глаза, давным-давно вырванные из чьих-то черепов и принесенные в жертву этому страшному тому,

мощному настолько, чтобы хранить в себе все те заклятья, которые были запечатлены на его страницах. И, как говорит история, такие жертвы редко бывали добровольными.

— Книга Ока, — пояснила Наставница, не проявив и доли беспокойства. — Она содержит заклинания, которые позволяют чародеям проникать в сознание других людей, читать их мысли и даже контролировать их действия. К счастью, только несколько магов во всем королевстве когда-либо имели доступ к ней.

— А зачем вообще оставлять такую возможность? — выпалила Элизабет, прежде чем смогла удержаться. Ответ был очевиден. Чародеи по природе своей являлись чистым злом, поддавшимся развращающему влиянию демонической магии, которой они овладели. Если бы не Реформы, запретившие использовать части человеческих тел для изготовления подобных книг, гримуары вроде Книги Ока не были бы редкостью. Без сомнения, чародеи на протяжении многих лет предпринимали попытки копировать их, однако такие заклинания не могли быть написаны простыми способами на обычных материалах. Колдовская мощь мгновенно превратила бы чернила и пергамент в золу.

К удивлению Элизабет, Наставница восприняла вопрос серьезно, несмотря на то, что уже не наблюдала за ней. Она сосредоточилась на перелистывании страниц, пытаясь найти любые повреждения, которые книга могла получить во время столь долгого путешествия.

— Время, когда необходимость в таких заклятьях исчезнет, насколько бы мерзкими они ни были, еще не настало. Мы несем огромную ответственность перед всем королевством, Скривнер. Если этот гримуар будет уничтожен, заклинания, содержащиеся в нем, пропадут навеки. Он единственный в своем роде.

— Да, Наставница.

Все это она прекрасно понимала. Хранители одновременно защищали гримуаров от внешнего мира и внешний мир — от гримуаров.

Элизабет крепилась изо всех сил, пока Наставница сделала паузу, прильнув к странице книги, изучая пятно на ней. Перевозка настолько важных гримуаров всегда сопровождалась рисками, потому что любое случайное повреждение могло спровоцировать превращение гримуара

в малефикт. Их необходимо было тщательно осмотреть до погребения в склеп. Элизабет была абсолютно уверена, что сразу несколько глаз, коварно поблескивая, утаились на нее сейчас с обложки книги.

По неведомым для нее самой причинам она точно знала, что не следует пересекаться с ними взглядом. Пытаясь отвлечься, она стала пристально разглядывать страницы. Некоторые предложения были нацарапаны на аустермерийском или на Древнем Наречии. Другие — на енохианском, языке чародеев, состоящем из странных угловатых рун, переливавшихся на пергаменте подобно тлеющей золе. Это был язык, овладеть которым можно лишь являясь с дьяволом. Даже беглый взгляд на руны заставил виски Элизабет яростно пульсировать.

«Послушница...»

Шепот проник в ее сознание, словно нечто инородное и такое же неожиданное, как холодное и осклизлое прикосновение рыбы под водой. Элизабет дернулась и посмотрела на Наставницу. Если она тоже слышала этот голос, то, во всяком случае, не подала виду.

«Я вижу тебя, послушница...»

Дыхание перехватило. Как учила Наставница, Элизабет старалась не обращать внимания на голос у себя в голове, однако оказалось совсем невозможным думать о чем-либо, кроме множества глаз, тарасившихся на нее и сверкающих своей зловещей осмысленностью.

«Посмотри на меня... Посмотри...»

Медленно, но уверенно, словно под влиянием невидимой силы, взгляд Элизабет начал опускаться.

— Ну, вот и все, — отозвалась Наставница. Ее голос звучал неотчетливо и искаженно, словно доносился из-под поверхности воды. — Мы закончили, Скривнер?

Не дождавшись ответа, она захлопнула гримуар. Шепот прекратился, и это привело Элизабет в чувство. Она шумно втянула воздух, и все лицо ее покраснело от стыда. Глаза на книге, яростно выпячиваясь, метались из стороны в сторону между Элизабет и Наставницей.

— Отличная работа, — произнесла последняя. — Ты держалась даже дольше, чем я ожидала.

— Я почти попалась, — прошептала Элизабет. Как наставница могла хвалить ее? Липкий пот выступил на коже, и в прохладе склепа девушка начала дрожать.

— Да. Все это я и хотела показать сегодня. У тебя свой подход к гримуарам и какая-то особенная связь с ними, которой я не видела еще ни у одного ученика. Несмотря на это, тебе еще очень многое предстоит узнать. Ты ведь хочешь стать хранителем, верно?

Произнесенный перед Наставницей в присутствии статуи ангелов, выстроившихся вдоль стен склепа, мягкий ответ Элизабет стал образцом благочестия.

— Это все, чего я когда-либо желала.

— Помни, что для тебя открыто множество дорог. — Перекошенный шрам придавал лицу Наставницы печальное выражение. — Прежде чем сделать свой выбор, будь уверена в том, что путь хранителя — это действительно то, чего ты хочешь.

Элизабет кивнула, не позволяя себе открыть рта. Если она прошла это испытание, отчего Наставница предлагает ей отказаться от своей мечты? Возможно, послушница каким-то другим образом проявила свою нерешительность, неподготовленность. В таком случае ей нужно просто приложить больше усилий. Всего год остался до ее семнадцатилетия — возраста, когда она сможет поступить на учебу в Духовенстве. Это время она могла бы использовать для того, чтобы развеять все сомнения и заслужить одобрение Наставницы. Оставалось лишь надеяться, что этого будет достаточно.

Вдвоем они с трудом поместили гримуар обратно в ящик. В тот же миг, как он коснулся соли, судороги прекратились. Глаза закатились, демонстрируя полумесяцы белков, прежде чем закрыться окончательно. Стук закрывающейся крышки сотряс замогильную тишину склепа. Этому сундуку не суждено будет открыться еще годы, а, может быть, и десятилетия. Он находился под надежной защитой и больше не представлял опасности.

И все же Элизабет никак не могла избавиться от голоса в своей голове и от чувства, что лицезрела книгу не в последний раз. А Книга Ока, в свою очередь, видела не в последний раз Элизабет.

Глава вторая

Элизабет откинулась на спинку стула, наслаждаясь видом. В порученную ей работу входило налаживание перевозок, а рабочее место располагалось на третьем этаже. Отсюда был виден весь атриум библиотеки. Солнечный свет струился сквозь окно-розетку высоко над входными дверьми, рассыпаясь рубинами, сапфирами и изумрудами на бронзовых перилах круглых террас. Книжные шкафы взлетали высоко вверх прямо к сводчатым потолкам, вздымаясь вокруг атриума словно слои свадебного торта или многочисленные ярусы Колизея. Шепот, отдающийся эхом и прерываемый время от времени чьим-то покашливанием или храпом, наполнял пространство. Большую часть этих звуков издавали вовсе не библиотекари в синих рясах, вышагивающие туда-сюда по кафельному полу атриума. Шум исходил от гримуаров, тихо бормочущих на своих полках.

Элизабет вздохнула, и сладкий аромат пергамента и кожи наполнил ее легкие. Пылинки висели в лучах солнца, совершенно неподвижные, словно хлопья золотой листвы, застывшие в смоле. Стопки бумаг угрожающе пошатнулись, собираясь в любой момент совершить побег с рабочего стола и навсегда похоронив ее под лавиной из необработанных транспортных запросов.

С неохотой она сосредоточила свое внимание на выстроившихся перед ней бумажных кипах. Великая библиотека Саммерсхолла была одной из шести Великих библиотек королевства. Целых три дня пути отделяло их от

ближайших соседей, которые равномерно располагались по окружности вокруг Аустермера, соединяемые Чернильными Путиами, сходящимися в столице, подобно спицам колеса. Транспортировка гримуаров между библиотеками была весьма деликатным делом. Некоторые колдовские книги питали такую мощную злобу по отношению друг к другу, что обычно их совместное перемещение заканчивалось диким воем или взрывами. На пустоши Дикого Перехода было место, где две книги не сошлись во мнениях об одной религиозной доктрине. Сейчас там остался лишь кратер размером с целый дом.

Как послушнице, Элизабет полагалось подтверждать перевозки книг с Первой до Третьей ступеней. Гримуары классифицировались по шкале от одного до десяти в соответствии с уровнем риска — начиная с Четвертой ступени требовались особые условия перевозки и усиленные меры предосторожности. В самом Саммерсхолле хранились тома не выше Восьмой ступени.

Закрыв глаза, Элизабет потянулась к листу бумаги на верхушке стопки.

— Нокфельд, — предположила она, размышляя о ближайшем соседе Саммерсхолла на северо-востоке.

Однако, перевернув лист, она обнаружила, что это был запрос из Королевской библиотеки. Неудивительно. Оттуда приходило две трети всех запросов. Однажды она тоже соберет все свои пожитки и отправится туда. Королевская библиотека находилась на одном клочке земли рядом с Духовенством в самом сердце столицы, поэтому, когда у нее появится свободное от учебы время, она прогуляется вдоль ее стен. В своем воображении Элизабет рисовала протянувшиеся на многие километры коридоры, заставленные книгами, со множеством ходов и потайных комнат, которые прятали в себе все секреты вселенной.

Все это станет возможным, только если она заслужит одобрение Наставницы. С той ночи в склепе прошла неделя, а она по-прежнему мучилась в догадках, что же означал ее совет.

Элизабет до сих пор ясно помнила момент, когда поклялась себе, что станет хранителем. Ей было всего восемь, и она спасалась бегством от лекций Мастера Харгрува в одном из секретных ходов библиотеки. У нее не было ни сил, ни желания сидеть еще час в душной кладовой,